

Соловьев Всеволод Сергеевич

Касимовская невеста

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84-4

Соловьев Всеволод Сергеевич

Касимовская невеста / Соловьев Всеволод Сергеевич – М.: Книга по Требованию, 2011. – 144 с.

ISBN 978-5-458-05230-6

«Касимовская невеста» – роман-хроника XVII века повествует об истории любви и женитьбы молодого царя Алексея Михайловича. Одна из героинь романа – Евфимия Всеволожская, дочь касимовского дворянина.

ISBN 978-5-458-05230-6

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Всеволод Сергеевич Соловьев
Касимовская невеста

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

После долгого осеннего ненастья наконец стала зима 1646 года. Два дня и две ночи в безветренном воздухе падал снег, и выпало его довольно, потом прихватило и сковало морозцем. Потом выглянуло солнце и все загорелось, заблестело. Глаза слепило от яркого света. Мороз не прибывал, но и не уменьшался. Путь установился сразу.

По дороге из Москвы в пригородное село Покровское с раннего утра шло и ехало много всякого люду – молодой царь Алексей Михайлович считал встречу зимы одною из любимых потех своих. Еще за три дня было объявлено по Москве, что в селе Покровском будет львиное зрелище и медвежья травля и что никому, не токмо что боярам и всяким дворцовым людям, но и всем вообще жителям Москвы невозбранно присутствовать на этих царских потехах.

Такое известие Москва приняла с большой радостью: уж очень по нраву всем была медвежья травля, а про львиное зрелище и говорить нечего: лев – зверь редкий, многими совсем не виданный. Привезли его недавно царю в подарок из Кызылбаша, из Персии. Поместили в яме у стены Китайгородской. По целым часам толпы стояли у ямы, видеть ничего не видели, но зато рыкание львиное слышали и оставались этим довольны. А вот теперь и самого этого заморского лютого зверя видеть можно: ну и хлынула вся досужая Москва в село Покровское.

Колымаги за колымагами, сани за саними так и катятся по первопутью. Бояре, весь чин дворцовый, дворяне московские, служилые люди, из купцов тоже немало – всякий разрядился в праздничное платье, изукрасил своих коников, повывешал ковров на широкие сани: тоже нужно и себя показать, в грязь лицом не ударить.

Большие были приготовления к празднику в Покровском. Сначала, как весть прошла о царской потехе, отцы и мужья сразу объявили, что бабам да девкам ехать не следует. Но бабы и девки были на это других взглядов. Они так пристали, так улещали, так упрашивали своих владык домашних, что те наконец, в большинстве случаев, должны были сдаться.

И вот по дороге в Покровское спешат не одни добрые молодцы и старцы, а и дебелие матери семейств и румяные, свежие, как морозное зимнее утро, московские красавицы. Само собою, лица их прикрыты фатой блестящей, сами они закутаны в шубки меховые, и стороннему человеку не увидеть, не разглядеть, сколько красоты и молодости, сколько разжиревшей или высохшей старости заключается в этих огромных грузных колымагах.

Но все же кое-кому поданы весточки, кое-кто с замиранием сердца и с светлою молодою грезой, бросив все дела и заботы, спешит в Покровское, хорошо зная, на какую закутанную, облик человеческий потерявшую фигуру следует глядеть глаз не отрывая, из-за какой фаты непроницаемой будут выглядывать с любовью и ласкою молодые глазки. И никакая строгость нравов и обычаев, никакая зоркость родительского присмотра не помешают кое-кому втихомолку и перешепнуться, и улучшить счастливое мгновение для быстрого, крепкого и сладкого пожатия нежной ручки. Только после этого пожатия не придется спрятать за пазу-

ху маленькой записочки – нежная белая ручка писать не умеет, да и не нуждается ни в каком писанье. Шустрая девчонка из прислужниц, а то так и сама хитрая старая мамка, падкая до подарочков, лучше всяких записочек передадут кому следует и слово нежное, и название одного из благолепных храмов московских, где можно встретиться...

Время близится к полудню; ноябрьский день короток – спешить надо. И спешат, перегоняя друг друга, колымаги и сани.

Вдруг по всему широкому пути смятение: колымаги и сани сворачивают в сторону и останавливаются. Несколько вершников на лихих конях мчатся что есть духу и кричат зычным голосом: «Царь едет!» И точно, из-за поворота дороги, вся в ярких лентах и бубенчиках, вылетает тройка чудных коней.

В расшитых, изукрашенных коврами и причудливой резьбой санях широких, прикрытых богатой медвежьей полстью, видны две мужские фигуры, закутанные в собольи шубы и в высоких шапках. Хорошо знакомы в Москве два лица эти, – одно уже не первой молодости, благообразное и разумное, да и не без некоторого лукавства во взгляде. Другое лицо красоты поразительной, с ясными небесного цвета глазами, с ласковой улыбкой и милыми, совсем еще детскими, ямочками на румяных щеках.

Тройка мчится, обдавая всех направо и налево снежной пылью. Все ломают шапки и низко кланяются.

Красавец юноша отвечает на поклоны. Его товарищ с важной, величественной осанкой тоже раскланивается.

Промчалась тройка, и за нею трогаются все остановившиеся колымаги и сани, и идет между москвичами всякого рода и звания, пола и возраста оживленный говор.

– Ишь, красотой какую наделил Господь царя нашего батюшку, Алексея Михайловича!... что девица красная, наш голубчик!..

– А боярин-то Борис Иванович Морозов, – замечают другие, – важность-то какая, сам, словно царь, раскланивается! Поди, чай, думает, коли бы один-то ехал, так и ему стали бы все кланяться... как же!..

– Ну да что тут, думай не думай, а тепло ему под царскую полстью. Люб ли он кому, нет ли, ему и горя мало. Что хочет, то и делает, всем заправляет. Государь молодой его как отца родного почитает. Да и отец-то, блаженной памяти государь Михаил Федорович, на смертном одре сыну наказывал: почитай-де и во всем слушайся Морозова-боярина, он тринадцать-де лет при тебе неотлучно, воспитал тебя, и такого-де слуги и советника тебе не сыскать. Счастье боярину, счастье великое, что и говорить, другому такого и во сне не привидится!..

Не красны царские палаты в селе Покровском, но любил, бывало, покойный царь Михаил Федорович наезжать сюда и тешиться разными забавами.

Перед палатами двор большой устроен, а на нем отгорожено место для звериной травли. Кругом того места скамьи для зрителей поставлены. Теперь эти скамьи просто ломаются, так много из Москвы наехало.

Бояре с боярынями и боярышнями места заняли, а те люди, что помельче чином, за их спинами теснятся, снег приминают в ожидании потехи.

Для государя с приближенными его на крыльце выставлены скамьи, покрытые ярким сукном и парчою.

К загороженному для травли месту ведет крытый, из досок сколоченный пе-

реходец: по этому-то переходцу зверей выведут. Оттуда уже раздается дикий звериный рев, заставляющий вздрагивать женщин и подзадоривающий любопытство мужчин.

Ворота закрыты. Никого больше во двор не пускают, да и некуда, и без того давка страшная.

Вот на крыльцо наконец вышел молодой царь с боярином Морозовым и толпой царедворцев.

Он ласково поклонился всем собравшимся и, весело разговаривая с окружающими, присел на свою скамью царскую.

Тучный седовласый боярин, земно кланяясь царю, объявил, что все готово для начала потехи.

– Ладно, так пускай начинают! – расслышала присмирившая толпа звонкий, почти еще детский голос.

Где– то в сенях, за дощатым переходом, послышался оглушительный рев, и через мгновение перед изумленными зрителями в загороженном, но со всех сторон открытом для взоров месте показался лев.

Женщины не стерпели и ахнули, многие так и совсем завизжали и стали прятаться за отцовские и мужнины шубы.

«А ну как прыгнет через загородку, да на нас!» – думала каждая из них.

То же, наверное, думали и многие мужчины, но старались, конечно, казаться спокойными.

Лев, однако, и не помышлял перепрыгивать через перегородку: он стоял очень смиренно на месте, дрожа своим крепким, огромным телом и медленно встряхивая гривой. Перед ним в спокойной и непринужденной позе, с длинной плетью в руке поместился его «хозяин», привезший его из Кызылбаша. Это был бойкий детина атлетического телосложения с длинной черной бородою. Он называл себя Ильешкой Микотиным, но никто не мог наверное сказать, кто он и откуда. Знали только, что привез он зверя невиданного царю в подарок – и царь так обрадовался, что наградил Микотина сукном на однорядку да на кафтан и деньгами пожаловал ему три рубля с полтиною. А затем он был оставлен при льве и давались ему «корм и помещение».

– Может, и разбойник какой и душегубец, – говорили про Микотина, – да поневоле придется держать его, один он умеет со львом управляться. Лев-то, слышь, ему как малый ребенок покорствуется...

Вот и теперь, поглядел он несколько мгновений прямо в глаза льву, дернул своей плеткой, лев тихонько зарычал и лег перед ним, положив прямо на снег свою громадную, мохнатую голову.

Микотин крикнул какое-то непонятное слово и тихо пошел, мерно шагая вокруг всей изгороди. Лев послушно пополз за ним. Зрители дивились немало.

– Этакого-то зверя страшного и приручил, гляди как! Премудрость!

Недолго, однако, тянулась львиная потеха. Морозу было около пяти градусов, и льва жалели. Его перевезли в Покровское в теплой клетке только для того, чтобы он показался царю и зрителям.

Главная потеха была впереди – медвежья травля.

Когда льва увели за загородку, вышло несколько человек охотников. Их выход был встречен громким одобрением со стороны зрителей. Эти охотники по всей Москве славились. Им уж не впервой приходилось выказывать чудеса ловкости,

силы и смелости на медвежьей травле. Все они были одеты в короткие кафтаны, высокие сапоги и низкие меховые шапки с ушами. Вооружение их состояло из рогатины или ножа. Они подошли ближе к царскому крыльцу, поклонились царю и ждали, кому из них он назначит бороться со зверем.

Алексей Михайлович приподнялся с места и весело кивнул им головою.

– Все налицо, – сказал царь, – и ты, старина, здесь, Богдан Озорной!

Старик охотник, к которому обратился царь, еще раз поклонился в пояс и подтолкнул двух молодцов.

– А вот, батюшка государь, – проговорил он густым басом, – привел сынков двух своих, Никифора да Якова, прикажи и им потешить твою царскую милость.

Два рослых, здоровых парня, переминаясь с ноги на ногу, неловко стояли и поглядывали исподлобья, то и дело кланаясь.

– Не раз приводилось мне потешить государя батюшку, царя Михаила Федоровича, – продолжал Богдан Озорной, – и милость я его государскую к себе не раз видел, а ноне, вишь ты, старость одолевать стала, да и рука вот десная, как в позапрошлом лете помял ее мохнатый, что-то неладно ходит. Так, может, парни замест меня теперь потешат твои царские очи.

– Ладно! – сказал Алексей Михайлович. – Который из них старше-то? Пусть он и начинает, а мы посмотрим...

Охотники один за другим исчезли в крытом переходе. На арене остался только Никифор Озорной.

Он огляделся – кругом стена, стена крепкая, которую не сломаешь, через которую не перепрыгнешь в случае опасности. Но он не думал об опасности, он спокойно ожидал противника и отошел на ту сторону круга, которая была как раз против дверец крытого перехода.

Прошло несколько мгновений, зрители затаили дыхание.

На крыльце царском старые и молодые бояре сидели величаво, неподвижно.

Царь Алексей Михайлович нетерпеливо, сам не замечая того, слегка притопывал ногою и не мигая смотрел прямо на арену.

Вот близко, совсем близко раздался глухой рев, дверцы распахнулись, и громадный медведь показался оттуда. Медленно качая головою и изумленно оглядываясь по сторонам, он, очевидно, сразу не мог понять, где он и что это делается вокруг него. Но вот его маленькие, злобно горящие глаза остановились на человеке, бывшем перед ним на таком близком расстоянии. Медведь дрогнул, грозно зарычал, поднялся на задние лапы и прямо пошел на человека.

Как будто электрическая искра пробежала между зрителями. Опять раздались женские взвизгиванья, но уже никто не обращал на них внимания: все глядели, раскрыв рты и затаив дыхание, на арену.

Никифор Озорной быстро перекрестился, выставил вперед рогатину, отставил ногу и, напрягшись всеми мускулами, ждал противника. Медведь был уже совсем перед ним: неловкое движение, дрогнет рука, не хватит силы – и все пропало: зверь кинется на человека и начнет ломать его... Но Никифор не дрогнул, только глаза его странно, лихорадочно горели. В нем самом проснулся зверь, проснулись злость и отвага. Ловким движением он направил рогатину и сразу всадил ее в грудь медведя, между двумя передними лапами.

Радостный гул пронесся по двору.

Царь невольно привстал со своего места и перекрестился.

Медведь ревел отчаянно и напирал на охотника. Но тот стоял неподвижно, не дрогнув ни одним могучим членом, крепко держал рогатину у ноги своей тупым концом, а острый все глубже и глубже входил в грудь зверя. Кругом белый снег уже начинал обгагряться кровью, от которой шел легкий пар в морозном воздухе.

Медведь еще продолжал стоять. Его рев раздавался все громче и громче, но теперь в этом реве слышались совсем новые звуки. Еще миг, еще одно неуловимое движение со стороны Никифора – и громадный зверь повалился всей своей тушей. Зрители закричали, заволновались. Теперь уже победа человека решена, самое важное сделано. Бой почти окончен, медведь погиб.

И действительно, медведь погиб, и торжествующий Никифор Озорной, забрызганный алой, горячей кровью, с побледневшим, но счастливым лицом стоял перед скамьею царской, и молодой царь говорил ему «спасибо».

Победителя охотника повели угощать вином и брагой; его ожидала царская награда: портище хорошего сукна на кафтан ценою в два рубля.

А на дворе и на крыльце царском все опять сидели и стояли неподвижно. Потеха еще не кончилась.

II

Когда вытащили мертвого зверя и замели следы его крови, смешавшейся со снегом, дворца, на которую нетерпеливо смотрели зрители, снова распахнулась. На арену вышел новый охотник – старик небольшого роста, но плотный и, очевидно, необыкновенно сильный. Он был одет, как и его товарищи, в короткий кафтан; из-под меховой шапки выбивались пряди седых волос, небольшая седая борода торчала клином; но в выражении его благообразного лица сразу замечалось что-то странное.

Выйдя из дворца, он остановился и потом обошел всю арену, одной рукой опираясь на свою рогатину, а другою ощупывая стену.

– Слепой, Слепой! – пробежало между зрителями.

Действительно, охотник этот был Слепой – таково было его прозвище, а прозвище такое дали ему потому, что он был слеп на оба глаза. И между тем Слепой был одним из лучших царских охотников. Не раз, на удивленье всей Москве, он бился с медведем и побеждал его. Его кости, однако, испытали тяжесть лап медвежьих, но все же вот дожил он до старости и невредим остался.

Появление слепого на арене было, конечно, самым интересным зрелищем. На борьбу зрячего охотника с медведем смотрели с любопытством, но не видели в этой борьбе ничего особенного: так к ней привыкли, – да и сами охотники шли на медведя как бы шутя и, побеждая его, не считали это особенным подвигом. А помнет медведь – не беда, мало ли что бывает; совсем убьет, разорвет в клочья – ну что делать, Божья воля, должно, худой охотник, коли не сумел справиться со зверем. Но со слепым выходило совсем другое дело – слепой человек не видит врага своего, ужасного врага, победить которого можно только верно и метко рассчитанным ударом.

Слепой так же, как и его предшественник, обойдя арену, остановился на противоположном конце. Он снял свою шапку – обнаруживая при этом огромный красный рубец на лысом лбу, – подпрятал длинные меховые уши шапки да и опять надел ее на голову. Он не мог закрывать своих ушей – ему нужно было чутко слушать: уши были его глазами.

Слепой стоял и ждал. И все заметили, что он держит рогатину вовсе не так, как держал ее Никифор, а между тем все хорошо знали, каким образом охотник должен встречать медведя.

Что же это такое? Неужели старик так и даст себя на растерзание зверю? Зверь уж близок, вот у самой дверцы слышен рев его, вот он показался — медведь огромный, больше первого, — вот он увидел противника, по обычаю поднялся на задние лапы и идет на него.

Зрители замерли, даже не слышно женских визгов, даже закутанные фатою боярыни и боярышни не прячутся, а смотрят во все глаза: слишком уж страшно, слишком любопытно.

Медведь подходит к слепому охотнику — и вдруг, в одно мгновение ока, охотник делает прыжок и оказывается совсем в другой стороне арены. Зрители ахнули в один голос, даже медведь остановился в изумлении, неуклюже поворотился и опять пошел на Слепого. Но и тут Слепой готов был его встретить. Он уже держал рогатину по всем правилам, прямо перед собою. Он стоял неподвижно, немного склонив голову на правую сторону, очевидно, всем существом своим прислушиваясь. Вот уже почти над самым ухом его раздается свирепое рычание. Крепкой рукой упирает он перед собой рогатину и попадает ею в медведя. Медведь завопил. Но что это такое? Должно быть, старик все же не рассчитал удара: одной лапой медведь ударил его по плечу и вцепился в него своими крепкими когтями. Старик даже слабо вскрикнул, пошатнулся под натиском медвежьей лапы и присел на землю.

На крыльце царского произошло движение.

Алексей Михайлович вскочил со своего места и закричал громким голосом:

— Эй! Скорее кто-нибудь на помощь к Слепому; ведь зверь разорвет его!

Но Слепой не потерял присутствия духа. Он был уже под медведем; тот, разъяренный страшной болью от рогатины, которую чувствовал в груди, наваливался на него всем своим грузным туловищем. Вдруг Слепой, как-то весь согнувшись кольцом, извернулся и высвободился из-под медведя. Быстрым движением выхватил он нож и по самую рукоятку всунул его в горло зверю. Медведь завопил, кровь так и хлынула у него из раны, он повалился и задергал могучими лапами. Слепой охотник, с разодранным рукавом кафтана и окровавленной шеей, стоял спокойно, высоко подняв голову; незрячие, но открытые глаза его блестели на солнце.

Неудержимые, безумные крики поднялись со всех сторон и долго не смолкали.

Царь велел подвести к себе Слепого, велел осмотреть его рану и поскорей перевязать; расспрашивал, где помял медведь, очень ли больно.

— Пустое, батюшка государь, пустое, — повторял Слепой. — Уж ты не взыщи на мне, старом, что чуть было перед тобою не осрамился я ныне. Вестимо дело, это мне не впервой — я его, где он, и с какой стороны, и как ко мне подходит, не то что ушами, а даже и носом чую, а все же иной раз промахнешься. Ну да и силы уж не те ноне стали. Прежде, бывало, как сунешь в него, это, рогатину, так сразу и чувствуешь, что она прошла, куда ей следует...

— Да что ты там толкуешь, — перебил его царь, — «силы нет», ныне показал ты нам, какая в тебе сила. Коли бы не видел своими глазами, что ты такое сделал, так и не поверил бы людям. Спасибо, старина, — за такую твою службу мы велим

наградить тебя, – а только вот что я скажу тебе: довольно, не выходи ты больше на травлю – неровен час, а я не хочу, чтобы тебя зверь на моих глазах растерзал.

И царь, ласково и печально улыбаясь Слепому, будто тот мог видеть эту улыбку, положил ему на плечо свою женственно нежную и белую, но уже крепкую руку.

Старик почувствовал царское прикосновение и дрогнувшим голосом проговорил:

– Царь-государь, на добром твоём слове тебе великое спасибо, но уж дозволю тебе, пока силы хватает, ходить на медведя. Почитай, что издетства охотничал, ещё как глаза видели свет Божий, а как наказал меня Господь слепотою, покрыл тьмою кромешною очи мои, и то не оставил я своего дела. И ныне, как ни есть, а привелось мне потешить тебя, царя-батюшку, так уж и до конца живота своего мне ходить надобно на медведя... може, мне так написано и умереть под медведем, а я только одно ведаю, что коли мне запрет будет от тебя, так я с одной тоски помру.

– Ну как знаешь, старик, как знаешь! – проговорил Алексей Михайлович и, махнув рукою, чтоб увели Слепого, сел на своё место, и окружающие заметили, как словно туманом каким заволокло светлое и радостное лицо юноши.

Несколько минут просидел он неподвижно. На арену выходили новые охотники, и должны были появиться сразу три медведя. Но эти охотники и эти медведи были уже не чета прежним. Эти медведи были ручные, и выводились они не для травли, не на смерть, а токмо на потеху христианскому люду. Охотники встречали их не рогатиной, а словам смешливым да прибаутками. По приказу этих охотников медведи представляли: и как карлы ходят престарелые, и как хромой ногу таскает, и как жена милого мужа приголубивает, и как малые ребята горох воруют и ползают, где сухо – на брюхе, а где мокро – на коленях, – и много разного другого.

Эти медведи водку пили из стаканчиков и потом лапой утирались и кланялись православному люду, и люд православный заливался неудержимым хохотом.

Царь Алексей Михайлович особенно любил таких ученых медведей, но теперь он на них и не смотрит. Сидит он опустив голову, и с недоумением, отводя глаза от потехи, поглядывают на него окружающие, и пристальнее всех поглядывает боярин Морозов.

«Что такое случилось с государем? Все был весел и радостен и так любопытно глядел на травлю – известно как любит он эти забавы. Что это, Слепой, что ли, так огорчил его? У государя сердце больно мягкое, доброта в нем великая...»

Но хоть и помял медведь Слепого, да немного, и сам Слепой, смыв кровь с плеча да обвязав его мокрой тряпкой, теперь как ни в чем не бывало пирует среди товарищей.

«Что бы такое это быть могло? – думает боярин Морозов. – И уже не впервой я то замечаю: все весел, весел – и вдруг как туча черная найдет на него, глядит совсем иначе. Не дай бог, уж не болезнь ли какая с ним, не испортил ли кто государя?»

– Что это ты, государь, золотой мой, – шепчет Морозов своему питомцу, – али, не дай Бог, нездоровится тебе?

– Нет, я здоров, чего это ты, Иваныч?! – отвечает царь и улыбается.

Но не весела и не радостна его улыбка, как-то даже побледнели его румяные

щеки.

– Скучно, Иваныч, – прибавляет царь и зевает и потягивается. – Все одно и то же... эти медвежьи шутики! Пусть кто хочет остается, а мы поедем-ка в Москву лучше!

Он встает со своей парчовой скамьи и уходит с крыльца в хоромы.

Морозов, переглянувшись кое с кем из окружающих, следует за государем.

III

Во всю дорогу, до самой Москвы, не мог развеселиться Алексей Михайлович. На все расспросы Морозова он отвечал, что чувствует себя совершенно здоровым и что просто ему скучно стало.

– Да вот плохо ночью спал, – наконец объяснил он. – Так, может, оттого и скучно: что-то в сон клонит.

Он прислонился к высокой ковровой спинке саней и закрыл глаза.

Морозов решил оставить его в покое, хоть и сознавал, что сон – только отговорка, что царю вовсе не спать хочется, а этими словами он желает просто-напросто отвязаться от его, Морозова, расспросов. Так оно и было: не дремал, сидя с закрытыми глазами, царь молодой.

«Что такое со мною? – думал он. – Да ничего, ничего, просто скучно. И отку-да скука такая берется? Прежде ее не бывало».

Он совсем переставал думать и только прислушивался к скрипу снега под полозьями саней. Он только вдыхал в себя чистый морозный воздух, открывал глаза, мгновенно взглядывал на озаренную заходящим солнцем снежную поляну и опять закрывал их и следил, как перед закрытыми глазами мелькают отражения солнечного света, как ходят золотые кружки и потом отливают то голубизною, то зеленью, потом темнеют, наконец исчезают.

Что-то тихое, тихое и тоскливое наплывает на сердце, что-то звенит будто в ушах, какие-то слова неясные, не то песня, не то музыка – и опять ничего, и опять все в тумане.

Потом вдруг мелькнут живо и ясно, хоть и на мгновенье, образы покойного отца, покойной матери – и расплывутся. Дрогнет сердце при воспоминании о недавней утрате, но новый неясный образ, новое ощущение – жуткое, непонятное, встрепенется в груди. Мелькнет как будто радость, какой никогда не бывало, ожидание чего-то необычайного и счастливого, что близко, вот-вот будет... Но ничего этого нету... и снова тоска, снова скука.

Что, уж и впрямь не болезнь ли это лихая? Не испортил ли кто? Не вынул ли лиходей какой царского следу? Не подкинул ли какую траву негодную на пути царском? Нет! Здоров, полон силы и свежести семнадцатилетний царь Алексей Михайлович. Никто не испортил его. Нет у него лютых врагов, нет в нем лихих болезней. То не болезни, а юность, и силы, и здоровье сказываются, и просят новой жизни, нового счастья, и поют, и шепчут сердцу, что есть какая-то страна заколдованная и что пришло время заглянуть в страну эту. Вышел из детства царь Алексей Михайлович, жить просится, хоть и сам того не ведает.

Да, прошли детские годы и как прошли-то быстро, и сколько милого, сколько светлого прошло с ними! Какие перемены! Давно ли все это было? Давно ли никакой заботы, никакого горя, никакой темной мысли не знал счастливый мальчик?